

Однако события разворачивались не так гладко, как ожидал господин Тао.

На следующий день Тао Цзюсы стоял в тени деревьев перед Палатой по делам императорского рода. Он ждал, оглядываясь по сторонам, и наблюдал за тем, как люди входили и выходили, но так и не увидел никого, кто бы принёс императорский указ, не говоря уже о Вэй Фусюэ.

Сердце его было не на месте, и Тао Цзюсы отправился в Министерство наказаний. Едва он вошёл, как услышал спор Чжу Шуньли и министра Яна.

— У Ли Мяожу прекрасный почерк, императору это непременно понравится, — заметил Ян Хань.

— Господин, это абсурд! Ли Мяожу — главный преступник по этому делу, как она может писать молитвенные тексты для императора! — возразил Чжу Шуньли.

— Шуньли, не будь таким консерватором, — продолжил Ян Хань. — Ли Мяожу всего лишь женщина, она не зачинщик. Всё зависит от воли императора. Если он увидит этот почерк, возможно, проявит милосердие, и это станет твоей заслугой.

Чжу Шуньли, казалось, был так разгневан, что готов был выплюнуть кровь, и в комнате воцарилась долгая тишина.

Услышав несколько фраз, Тао Цзюсы понял суть происходящего.

Вэй Уюэ любил искать путь к бессмертию и писать молитвенные тексты. Эти тексты, адресованные небожителям, требовали тщательного подбора слов и изящного почерка, чтобы продемонстрировать искренность.

Ян Хань оценил почерк жены Сюй И, Ли Мяожу, и хотел использовать это, чтобы сделать подарок императору и заручиться расположением небожителей.

Чжу Шуньли, естественно, не желал отправлять преступницу писцом к императору, поэтому их спор затянулся, задержав отправку доклада Вэй Уюэ.

Тао Цзюсы вспомнил, что в прошлой жизни за написание молитвенных текстов для Вэй Уюэ отвечал Ду Цинъяо. Племянник Драгоценной супруги Ду, будучи близок к императору и тётке, узнавал много тайн, которые в конце концов стали законным основанием для действий Вэй Фусюэ.

Неужели теперь, после перерождения, этот важный ход потеряет силу?

Тао Цзюсы подумал, что это плохо, и, поразмыслив, решил вернуться в Министерство чинов, чтобы попросить у Ду Цинъяо несколько его стихотворений. Сложив их в рукав, он вернулся в Министерство наказаний.

В зале министерства Чжу Шуньли всё ещё спорил с Ян Ханем.

— Господин Ян, приветствую вас. Господин Чжу, доброе утро, — Тао Цзюсы вошёл и поклонился, затем достал из рукава стихи Ду Цинъяо и с восхищением сказал:

— Я только что увидел на столе господина Ду несколько стихотворений. Взглянув, я понял, что его талант великолепен, словно он способен обратить вспять течение трёх рек. Я хотел показать их господину Яну, но не ожидал встретить здесь и господина Чжу.

Ян Хань, известный любовью к поэзии, с подозрением взял бумаги. Одного взгляда на изящный, почти неземной почерк было достаточно, чтобы он замер. Внимательно прочитав стихи Ду Циньяо, он убедился в их мастерстве и особом, отстранённом духе.

Чжу Шуньли понял намерение Тао Цзюсы и поддержал его:

— Господин Ду действительно достоин своего знатного рода, обладая таким талантом.

Эта фраза напомнила Ян Ханю о том, кто такой Ду Циньяо — родной племянник Драгоценной супруги Ду, единственный сын её старшего брата. Если Ду Циньяо будет писать молитвенные тексты для императора, это будет отличной возможностью для самой супруги Ду.

Ян Хань с удовлетворением кивнул:

— Молодёжь достойна восхищения! Молодёжь достойна восхищения! Где сейчас Циньяо?

Тао Цзюсы указал рукой в сторону:

— В Министерстве чинов.

Ян Хань радостно направился к выходу, а Чжу Шуньли крикнул ему вслед:

— Господин, а преступница Ли Мяожу...

Ян Хань нетерпеливо перебил:

— Согласно закону. Не стоит об этом говорить.

Чжу Шуньли выдохнул и, обернувшись к Тао Цзюсы, сказал:

— Господин Тао, только что было действительно опасно.

Тао Цзюсы, конечно, знал это и поспешил рассказать Чжу Шуньли о том, что услышал снаружи.

Чжу Шуньли улыбнулся:

— Хорошо, что ты пришёл, иначе я бы не знал, как выкрутиться. Нельзя медлить, я сейчас же отправлюсь к первому министру.

Тао Цзюсы вспомнил, что по правилам Чжу Шуньли должен был сначала доложить Цзян Цзыхэну, а тот уже — Вэй Уюэ. Но, желая избежать новых осложнений, он предложил:

— Господин Чжу, чтобы Цзян не смог помешать, почему бы не доложить напрямую Его Величеству?

Чжу Шуньли хлопнул себя по лбу:

— Верно, верно! Это дело под личным контролем императора, я могу пойти к нему напрямую.

Спасение Вэй Фусюэ проходило с трудностями. Попрощавшись с Чжу Шуньли, Тао Цзюсы с тревогой на сердце снова вернулся к тени деревьев перед Палатой.

Над головой щебетали птицы, и в листве начинали звучать первые летние песни цикад, но Тао

Цзюсы ничего не слышал. Он слышал только, как его сердце бьётся, готовое выпрыгнуть из груди, а душу словно вырывало из тела.

Он не смел дышать, сжав кулаки, по спине катился холодный пот.

Сердце билось как барабан, вокруг стояла тишина, и только когда Вэй Фусюэ снова появился перед ним, мир успокоился, и снова зазвучали птицы и цикады.

В весеннем свете Вэй Фусюэ напоминал ручей, текущий со стаивающих снегов — холодный и прозрачный, но полный жизни. Он прищурился, глядя на фигуру, и прошептал:

— Ты ждал меня.

Стражник у ворот Палаты по делам императорского рода пробурчал:

— Ну вот, ещё один сумасшедший.

Выйдя из Палаты, Вэй Фусюэ внешне вёл себя смирно во Дворце Юншань, но каждую ночь неизменно приходил во дворик.

Тао Цзюсы, сочувствуя страданиям Вэй Фусюэ в темнице, относился к нему с особой мягкостью в эти дни.

После выхода из Палаты он заметил странную перемену в Вэй Фусюэ. Раньше это был самый умный и усердный человек, каким он знал: талантливый, дисциплинированный, он всегда выполнял задания и занимался дополнительно.

Но после пребывания в Палате Вэй Фусюэ изменился.

Например, он часто отвлекался: смотрел на Тао Цзюсы, но мысли были не о книге. Или забывал: утверждал, что этого не учил, и просил научить снова.

Тао Цзюсы, проявив мягкость несколько дней, наконец не выдержал и строго сказал:

— Ваше Высочество, если Небо возлагает на человека великую миссию, оно прежде испытывает его волю и дух. Вы столкнулись с трудностями, это правда, но сдаваться — большая ошибка. Вспомните прошлое: вы пережили многое, не сдавайтесь и сейчас.

К его удивлению, Вэй Фусюэ тихо рассмеялся.

Тао Цзюсы разозлился, подумав, что без наказания ребёнка не исправить.

Вэй Фусюэ тихо произнёс:

— Учитель, правда было очень тяжело. В темнице Палаты были крысы и клопы, еда всегда была протухшей. Они не смели бить меня, но не давали спать. И я постоянно думал о тех, кто снаружи, и был не в себе.

Видя страдание в глазах Вэй Фусюэ, Тао Цзюсы тут же смягчился и позволил ему ещё несколько дней лениться.

Но в сердце у него теплилась одна мысль — он хочет попытаться улучшить отношения между Вэй Фусюэ и Вэй Жуньюй.

Неважно, как Вэй Жуньюй относится к нему, но если не наладить отношения с Вэй Фусюэ, можно снова потерять голову.

Выждав несколько дней, Тао Цзюсы наконец серьёзно заговорил:

— Ваше Высочество, помните ли вы о трёх радостях благородного мужа?

Вэй Фусюэ в это время перебирал струны гуциня, который Тао Цзюсы принёс для музыкальных занятий. Он прижал струны и равнодушно спросил:

— Что ты хочешь сказать?

— Хотя император и пренебрёг человеческими отношениями, но... между вами, братьями... — начал Тао Цзюсы.

Вэй Фусюэ перебил:

— Братья? О какой братской любви заботился третий в этот раз?

Тао Цзюсы подумал момент и сказал:

— Но Второе Высочество ничего плохого вам не делал, в чём его вина?

Вэй Фусюэ повернулся к нему и медленно произнёс:

— Не недооценивай второго, он тоже не из простых.

Видя непоколебимость Вэй Фусюэ, Тао Цзюсы с тревогой воскликнул:

— Если Ваше Высочество когда-нибудь взойдёт на трон, разве вы будете истреблять братьев?

Вэй Фусюэ удивлённо спросил:

— Учитель, откуда вы знаете, что я взойду на трон?

Тао Цзюсы замолчал, а после долгой паузы ответил:

— Ваше Высочество обладаете твёрдым характером, решительностью и мудростью. Если вы захотите завоевать Поднебесную, это будет несложно.

Получив похвалу, Вэй Фусюэ смягчился и сказал:

— Хорошо. Раз учитель хочет, чтобы я был дружелюбен к братьям, я попробую.

Тао Цзюсы улыбнулся и кивнул.

Все поступки Вэй Фусюэ, казалось, указывали на то, что всё идёт к лучшему.